

Политические процессы в меняющемся мире

DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-1-6-25

Кризис лидерства и стагнация мегапроектов в АТР: последствия для России

Александр Николаевич ФЕДОРОВСКИЙ

доктор экономических наук, главный научный сотрудник
Национальный исследовательский институт мировой экономики и
международных отношений имени Е.М. Примакова РАН, 117997, Профсоюзная
ул., д. 23, Москва, Российская Федерация
E-mail: a.fedorovsk@imemo.ru
ORCID: 0000-0002-3892-8432

ЦИТИРОВАНИЕ: Федоровский А.Н. (2019) Кризис лидерства и стагнация мегапроектов в АТР: последствия для России // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 12. № 1. С. 6–25.
DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-1-6-25

Статья поступила в редакцию 20.11.2018.

АННОТАЦИЯ. *Анализируются современные тенденции торгово-экономического взаимодействия стран АТР. В условиях инициированных администрацией Д. Трампа протекционистских мер в международной торговле, стагнации при реализации мегапроектов (АТЭС, ТПП, РВЭП) исследуется роль США и Китая в формировании региональных экономических приоритетов, их возможности определять вектор интеграционных процессов, анализируются причины, мешающие этим государствам реализовать потенциал лидерства. Рассматриваются характер и возможности политики Японии, Индии и Республики Корея по выдвиганию собственных проектов международного сотрудничества в АТР. В качестве примера приводится содержание южнокорейской инициативы «Новая экономическая карта». Отмечается роль «Нового экономического форума», организованного компанией Vloot-*

berg при поддержке ведущих мировых корпораций. В этом же контексте оцениваются попытка формирования региональных связей в рамках Индо-Тихоокеанского формата, усилия Японии по содействию развитию Индии, а также стремление Вашингтона за счет расширения партнерства с Дели проводить политику сдерживания экономической и политической экспансии Китая. Дается оценка соперничеству Китая и США, его последствиям для способности заключать интеграционные соглашения. Сопоставляются возможности и перспективы двусторонних и многосторонних торгово-экономических соглашений. Рассматриваются особенности включения России в региональное экономическое взаимодействие, выявляются взаимосвязь его характера и темпов с состоянием безопасности и содержанием политических процессов в АТР. Показаны проблемы, возникшие при проведении в

последние годы Россией «Восточной политики». Представлены доводы в пользу выстраивания Россией в сложившихся условиях долгосрочного курса на проведение «политики целевого партнерства», предполагающего концентрацию деловой активности на конкретных проектах и на выборочных географических направлениях. Отмечается необходимость политики противодействия попыткам противопоставления Индии и Китая, выработки дипломатических шагов по содействию сотрудничеству Москвы, Пекина и Дели на региональном уровне.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: АТР, Индо-Тихоокеанский регион, мегапроекты, региональная интеграция, КНР, США, Япония, Индия, Республика Корея, Россия

За последние десятилетия в странах Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) произошли изменения, создавшие предпосылки трансформации сложившейся здесь системы внешнеэкономических связей. Продолжается подъем экономики Китая и стран Юго-Восточной Азии, а также Индии, стремящейся к расширению своего присутствия в регионе. Отмечается наращивание их финансового потенциала, а главное – происходящие здесь структурные изменения, возрастающая роль упомянутых государств в формировании разветвленной трансграничной «паутины» цепочек добавленной стоимости повысили возможность их внешнеэкономической экспансии. Примечательно также увеличение показателя ВВП на душу населения, отражающее снижение бедности и расширение слоя среднего класса (см. табл. 1, табл. 2).

Опережая по динамике глобальные тренды, показатели роста стран региона демонстрируют увеличение роли Восточной Азии в мировой экономике¹. Вместе с тем эксперты G20 указывают на угрозы, связанные с риском реализации в этих странах популистских решений, ослабления национальных валют, удорожания заимствований на мировых рынках капитала [Маляренко 2018]. А развитие в АТР протекционистских тенденций, иницированных торгово-экономической политикой США, и происходящая на этом фоне стагнация ВТО оказывают негативное влияние на характер региональных экономических процессов, включая реализацию интеграционных проектов. Между тем институциональная среда на уровне региона либо была сформирована три десятилетия назад (Азиатско-тихоокеанское экономическое сотрудничество/АТЭС) в условиях кардинально иного расклада экономических сил, либо так и не получила законченного оформления в новых правовых и организационных рамках (Транстихоокеанское партнерство/ТТП). Все это создает дисбаланс между потребностями развития и региональными институционально-правовыми условиями его обеспечения.

В сложившихся обстоятельствах страны Восточной Азии стремятся искать новые варианты решения экономических проблем и источники развития на региональном уровне. При этом они вынуждены исходить из того, что экономические лидеры, в первую очередь США и Китай, не предлагают четких ориентиров интеграционной стратегии. Вместо этого приходится сталкиваться с тем, что американский эксперт С.Ф. Бергстен называет экономи-

1 Акцентированное внимание в данной статье на Восточной Азии вызвано растущей ролью последней в определении содержания и вектора перемен, происходящих в настоящее время в АТР.

ческими, политическими, идеологическими «измерениями», параметры которым задаются, по его мнению, «Вашингтонским консенсусом», провозглашающим незыблемость рыночной экономики, либо «Пекинским консенсусом» с его опорой на государственный капитализм [Bergsten 2018].

Влияние американско-китайских противоречий на реализацию региональных проектов в АТР

Американская стратегия в отношении АТР, базировавшаяся на принципе преемственности, на протяжении последнего десятилетия находится в состоянии хронической корректировки. На смену инициированного еще при Дж. Буше-мл. «Стратегического экономического диалога» (между Пекином и Вашингтоном), в 2009–2010 гг. при администрации Б. Обамы пришел «Стратегический и экономический диалог», т.е. проведение регулярных консультаций между США и КНР по широкому курсу вопросов. Между тем уже в 2011–2013 гг. Б. Обама взял курс на «тихоокеанский поворот» (Pacific pivot). США активизировали сотрудничество со странами АСЕАН в рамках программы «Расширенного экономического вовлечения США – АСЕАН». Однако основные дипломатические усилия концентрировались на скорейшем завершении формирования ТТП. Целью форсированных под давлением США переговоров было закрепление норм и стандартов торгово-экономических отношений в АТР в соответствии с американскими правовыми приоритетами и недопущение КНР к участию в этом процессе в какой-либо форме на этапе утверждения ключевых параметров соглашения. При этом предполагалось, что Китай (как и Россия) в дальнейшем может вступить в ТТП, приняв к исполнению уже одобренные «правила игры». Тем

самым США задавали бы конкурентные параметры как в двусторонних отношениях, так и на рынках АТР.

Однако Китай, оставшийся вне рамок ТТП, в значительной степени обесценил идею данной интеграционной группировки, а значит и девальвировал усилия американской внешнеэкономической дипломатии. Свертывание американского участия в ТТП при Д. Трампе означало для Вашингтона не только отказ от многосторонней модели регулирования торговли в регионе (или, по крайней мере, замораживание этого формата), но и переход к политике жесткого давления на партнеров на двустороннем уровне. При этом для действующей администрации США, несмотря на существенные разногласия по вопросам внешней торговли с американской политической и деловой элитой, протекционизм остается одним из основных вариантов укрепления конкурентных преимуществ.

Критики американского президента призывают торговых партнеров США избегать «чрезмерной реакции на провокации Д. Трампа» [Eichengreen 2018]. Вместе с тем сводить суть вопроса к некомпетентности и своеволию Д. Трампа или только к проблеме торговых дисбалансов было бы неверно. Как отмечает обозреватель «Financial Times» Гидеон Рахман, после 30 лет стагнации американцы оказались готовы согласиться с тем, что «глобализация в действительности ужасная идея, которая уменьшает влияние США» и снижает уровень жизни в стране. В этих условиях Д. Трамп сделал ставку на то, чтобы «интегрировать Китай в возглавляемый США мировой порядок» [Рахман 2018]. Если Б. Обама пытался добиться той же цели путем введения соответствующих правовых механизмов регулирования экономических отношений в АТР, то Д. Трамп – за счет давления в ходе двусторонних торговых переговоров.

Таблица 1. Численность населения и показатели ВВП на душу населения
Table 1. Population and GDP per capita

Страны / Countries	Население (млн чел.) 2006 г. / Population (million people) 2006	Доля в населении мира 2006 г. (в %) / Share in world population, 2006 (%)	Население (млн чел.) 2016 г. / Population (million people), 2016	Доля в населении в 2016 г. (в %) / Share in population in 2016 (%)	ВВП на душу нас. в долл., в ценах и по ППС 2006 г. / GDP per capita. In dollars, in prices and PPP 2006	ВВП на душу нас. в долл., в ценах и по ППС 2016 г. / GDP per capita. In dollars, in prices and PPP 2016
Весь мир / Global	6 517,6	100,0	7 442,14	100,0	10 253	16 109
США / USA	299,0	4,59	323,13	4,34	44 155	57 467
ЕС 27 / EU 27	489,2	7,51	511,50	6,87	28 722	39 117
Япония / Japan	127,6	1,96	126,99	1,71	32 385	41 244
Россия / Russia	142,4	2,18	144,34	1,94	11 974	26 324
Индия / India	1 109,8	17,03	1 324,17	17,79	3 827	6 542
Восточная Азия (без Японии) / East Asia (without Japan)	1 934,1	29,7	2 107,5	28,3	7 743	15 282
КНР / China	1 311,8	20,13	1 378,67	18,53	7 660	15 444
Гонконг / Hong Kong	7,0	0,11	7,35	0,10	38 065	58 482
Бирма (Мьянма) / Burma (Myanmar)	51,0	0,78	52,89	0,71	1 672	5 762
Бруней / Brunei	0,4	0,01	0,42	0,01	25 445	76 882
Вьетнам / Vietnam	84,1	1,29	92,70	1,25	3 384	6 424
Индонезия / Indonesia	223,0	3,42	261,12	3,51	4 130	11 612
Камбоджа / Cambodia	–	–	15,76	0,21	–	3 740
Ю. Корея / South Korea	48,4	0,74	51,25	0,69	23 800	37 740
Лаос / Laos	–	–	6,76	0,09	–	6 051
Малайзия / Malaysia	25,8	0,40	31,19	0,42	11 674	27 681
Папуа-Новая Гвинея / Papua New Guinea	6,0	0,09	8,08	0,11	2 686	3 467
Сингапур / Singapore	4,4	0,07	5,61	0,08	32 749	87 856
Таиланд / Thailand	64,7	0,99	68,86	0,93	9 331	16 916
Тайвань / Taiwan	22,9	0,35	23,54	0,32	29 770	48 096
Филиппины / Philippines	84,6	1,3	103,32	1,39	5 473	7 794

Источник / Source: [Год планеты 2007; Год планеты 2017].

Таблица 2. Показатели ВВП по ППС в 2006 г. и 2016 г.
Table 2. GDP figures for PPP in 2006 and 2016

Страны / Countries	ВВП в млрд. долл. в ценах и по ППС 2006 г. / GDP in billions of dollars in prices and PPP 2006	Доля в ВВП мира 2006 г. (в %) / Share in world GDP 2006 (%)	ВВП в млрд долл. в ценах и по ППС 2016 г. / GDP in billions of dollars in prices and PPP 2016	Доля в ВВП мира 2016 г. (в %) / Share in world GDP 2016 (%)
Весь мир / Global	66 823,0	100,0	119 884,0	100,0
США / USA	13 201,8	19,76	18 569,1	15,49
ЕС / EU	14 049,6	21,03	20 008,	16,69
Япония / Japan	4 131,2	6,18	5 237	4,37
Россия / Russia	1 704,8	2,55	3 799,7	3,17
Индия / India	4 247,4	6,36	8 662,4	7,23
Восточная Азия (без Японии) / East Asia (without Japan)	14 976,0	22,4	32 206,3	26,9
КНР / China	10 048,0	15,04	21 291,8	17,76
Гонконг / Hong Kong	266,9	0,40	429,7	0,36
Бирма (Мьянма) / Burma (Myanmar)	85,2	0,13	304,7	0,25
Бруней / Brunei	9,5	0,01	32,5	0,03
Вьетнам / Vietnam	284,6	0,43	595,5	0,50
Индонезия / Indonesia	921,2	1,38	3 032,1	2,53
Камбоджа / Cambodia	–	–	59,0	0,05
Ю. Корея / South Korea	1 152,4	1,72	1 934,0	1,61
Лаос / Laos	–	–	40,9	0,03
Малайзия / Malaysia	300,8	0,40	863,3	0,72
Папуа-Новая Гвинея / Papua New Guinea	16,1	0,02	28,0	0,02
Сингапур / Singapore	143,9	0,22	492,6	0,41
Таиланд / Thailand	603,9	0,90	1 164,9	0,97
Тайвань / Taiwan	680,5	1,02	1 132,1	0,94
Филиппины / Philippines	463,0	0,69	805,2	0,67

Источник / Source: [Год планеты 2007; Год планеты 2017].

Заинтересованность же администрации Д. Трампа в пересмотре двусторонних отношений с рядом ключевых партнеров (таких как Республика Корея и Япония) вызвана в первую очередь намерением создать для США оптимальные условия международного взаимодействия в высокотехнологических отраслях. Решать связанные с этим вопросы нынешняя американская администрация прагматично предпочитает в ходе переговоров с теми странами, чья экономика связывает свое будущее с развитием высоких технологий, уже находится в стадии освоения последних достижений НИОКР или создает для этого реальные предпосылки. Отработанные на базе двусторонних соглашений правовые, экономические и административные нормы в дальнейшем могут быть закреплены в более широком формате (например, в ТТП, возможное участие в котором при «надлежащих условиях» время от времени допускают представители США).

Избирательный подход США в выборе участников двусторонних переговоров определяется влиянием не только экономических, но и политических факторов. В первую очередь предпочтения отдаются партнерам, связанным с Соединенными Штатами союзническими соглашениями. Вопросы развития экономического сотрудничества в современных условиях становятся как никогда тесно увязаны в американской политике на тихоокеанском направлении с обеспечением военно-политических приоритетов США [Boustany, Gilispie 2018].

При этом администрация Д. Трампа продемонстрировала готовность и способность при выработке долгосрочного курса в отношении АТР воспринять наработки стратегических союзников, а также разделить с ними ответственность в рамках общей концепции Индо-

Тихоокеанского региона, идею которой с 2014 г. активно продвигают премьер-министры Индии и Японии Н. Моди и С. Абэ. Ставка делается на развитие всесторонних связей США и Японии с Индией при участии Австралии, Новой Зеландии и Республики Корея. Координация внешнеполитического курса стран с развитой демократией призвана противостоять растущему влиянию Китая в Восточной Азии, а также повысить возможности для дипломатического маневра США и их союзников.

Критики подобного внешнеполитического подхода Д. Трампа, в том числе в США, помимо всего прочего отмечают все еще незначительное участие Индии в региональных экономических процессах [Sevastopulo 2017]. Действительно, на капиталовложения в индийскую экономику в 2016 г. приходилось только 2% прямых японских зарубежных инвестиций. Между тем при участии прежде всего Японии выстраивается долгосрочная политика содействия развитию экономике Индии, задача от реализации которой ожидается через пять-десять лет. В частности, речь идет о модернизации транспортной инфраструктуры, проекте создания «индустриальных коридоров» Дели – Мумбай и Ченнаи – Бангалор, другие промышленные проекты. На это нацелены предоставляемые Японией программы экономической помощи и поддержка внешнеэкономической деятельности частных компаний в Индии [Pejon, Saint-Mezard 2018].

Реальным конкурентом, способным соперничать с США за позицию регионального лидера, могла бы стать КНР. К такому выводу подталкивает сорокалетняя история экономических достижений, позволившая современному Китаю разделять с США статус крупнейшей в мире экономической державы, растущая военная мощь страны и ее способность оказывать заметное влия-

ание на региональные тренды. Между тем высокие экономические показатели не тождественны экономическому лидерству, хотя являются обязательным условием последнего. Подобный статус предполагает в первую очередь наличие сформировавшейся модели, ключевые черты которой способны в той или иной форме быть воспроизведены в разных национальных условиях, а также обязательства (экономические, политические, социальные, оборонительные, гуманитарные) перед странами, следующими в фарватере или в едином строю с лидером. Кроме того, привлекательность модели в современных условиях определяют наличие эффективных социальных лифтов, научно-технические и культурные компетенции, демонстрация лидерства в обеспечении правовых условий развития.

В этом контексте сохраняет актуальность вопрос о готовности самого Китая взвалить на себя бремя лидерства. Даже в наиболее сильном компоненте нынешнего Китая – экономике – многие важные составляющие не могут пока соперничать с теми возможностями, которыми располагает американский конкурент. Это касается в первую очередь скромной роли национальной валюты в международных расчетах, возможности предоставлять кредитно-финансовые услуги, в качественном отношении сравнимые с американским уровнем, состояния научно-технического потенциала, хотя и интенсивно развивающегося, но в среднесрочной перспективе не способного быть сопоставимым в широком диапазоне НИОКР с мировыми лидерами.

Казалось, Китай активно взялся за продвижение на форумах АТЭС концепции Азиатско-Тихоокеанской зоны свободной торговли (АТЗСТ), о чем председатель Си Цзиньпин объявил на форуме АТЭС в Пекине в 2014 г. [Федоровский 2018]. Однако полномасштаб-

ного развития эта инициатива за прошедшие годы не получила. Хотя при формировании необходимых условий формат АТЗСТ может быть востребован китайской внешнеэкономической дипломатией.

Крупномасштабной заявкой на выдвижение долгосрочных проектов регионального и глобального значения стало инициирование Пекином стратегии «Один пояс, один путь». Вместе с тем инфраструктурные проекты, продвигаемые в связи с этим китайским правительством, все чаще двойственно, а в некоторых случаях с недоверием, воспринимаются странами региона. Возникающие упреки в основном связаны с трудными для заемщика финансовыми условиями, максимальным вовлечением китайских компаний (и китайской рабочей силы) в реализацию проекта в ущерб национальным производителям. Негативный опыт, связанный с разрывом контрактов с Малайзией, может оказаться далеко не единственным проигрышем Пекина [Chang 2018]. Появляющиеся на этом фоне подозрения, что Китай на практике стремится к использованию финансовых инструментов для «вскрытия» рынков стран региона для китайских товаров и услуг, безусловно вредят имиджу КНР в регионе и ослабляют лидерский потенциал страны.

Несомненно, Китай способен провести инвентаризацию своих внешнеэкономических достижений и проблем и сделать из накопленного опыта адекватные выводы. Руководитель КНР Си Цзиньпин подтвердил приверженность курсу на глобализацию и поддержку свободы торговли, отмечая при этом, что глобальной экономике предстоит пройти через «новый раунд впечатляющего развития, трансформации и регулирования» [An, Wilson 2018]. Слова китайского руководителя подкрепляются курсом на поддержку импорта, что в конечном счете должно внести пози-

тивные изменения в структуру экспорта и экономики в целом [Wei 2018].

Внешнеполитическое «контрнаступление» может помочь Пекину противостоять дипломатическому натиску Вашингтона, позволит перехватить инициативу и вернуть американскую сторону к совместному поиску компромиссов по спорным торгово-экономическим вопросам. Тем не менее способность КНР занять в ближайшем будущем место лидера вызывает сомнения. Потребуется время на выполнение базовых положений программы «Сделано в Китае – 2025», бросающей вызов научно-техническому доминированию США, а также на разработку стратегии взаимодействия Китая и стран региона в новых условиях. Это обстоятельство на фоне происходящих с политикой США метаморфоз по перезагрузке лидерства, вызывающей подчас недопонимание даже ближайших союзников, вносит в регион ощущение неопределенности. Проблема для восточноазиатских стран усугубляется тем, что американо-китайские отношения не приобрели устойчивого характера. С одной стороны, в них сохраняется достаточно высокий уровень взаимозависимости. С другой, периодически возникают элементы торгово-экономической войны, существуют политические противоречия, порождающие опасения относительно последствий обострения военно-стратегического соперничества США и Китая в регионе.

В сложившихся условиях стратегия стран Восточной Азии носит многоплановый характер. На первый план выходят *двусторонние соглашения и конкретные проекты*. На втором – многосторонние договоры, имеющие преимущественно субрегиональное значение. Лишь на третьем плане – проекты, носящие мегарегиональный характер, такие как Транстихоокеанское партнерство без КНР и США – ТТП-11, нахо-

дящееся на стадии переговоров Региональное всеобъемлющее экономическое партнерство (РВЭП), чьи возможности без участия США будут существенно ограничены, и пока далекая от формирования АТЭС. О застое в деятельности АТЭС свидетельствует проявленная впервые в истории этой организации в 2018 г. на Саммите в Папуа-Новой Гвинее неспособность глав государств и правительств на фоне американо-китайских противоречий принять традиционную заключительную декларацию.

В условиях торможения реализации мегапроектов, предполагающих структурно организованные форматы (*зафиксированные число участников и их обязанности*), происходит активизация регионального взаимодействия на двустороннем уровне и в рамках открытых программ и стратегий, не требующих жестких политико-организационных ориентиров и обязательств для участников. Тон в реализации такого подхода задают США, отдающие при администрации Д. Трампа приоритет двусторонним соглашениям, и Китай – за счет стратегии «Один пояс, один путь», нацеленной на модернизацию мировой транспортной инфраструктуры в интересах выхода на новые рынки китайского бизнеса. В свою очередь, страны АСЕАН делают ставку на развитие отношений с каждой из региональных держав (стратегия АСЕАН+). В этом же контексте можно рассматривать южнокорейскую инициативу «Новая экономическая карта» (New economic map initiative), рассчитанную на отношения с КНР, Северной Кореей, Россией, ЕАЭС, и ее вариант – формирование железнодорожного союза в СВА (включая США). Как и стратегию Индии «Действовать на Востоке» (Act East), направленную на активизацию развития отношений со странами АТР, и японскую стратегию выхода в Индийский Океан и Африку. Приоритеты этих инициатив далеко не иден-

тичны, но есть объединяющая их ключевая черта – включение в международный контекст решения национальной проблемы.

Например, Южная Корея в своей экономической дипломатии, отталкиваясь от потребности преодолеть негативные последствия раскола Кореи, выходит на постановку задач регионального уровня. В предлагаемой администрации Мун Чжэ Ина иерархии целей это выглядит как поэтапное формирование «нового порядка на Корейском полуострове», который приведет к созданию «нового порядка в Северо-восточной Азии» [Choi He-suk 2018]. Как считают в Сеуле, можно достаточно быстро перейти от конфронтации к сотрудничеству и создать новые экономические и политические реалии на Корейском полуострове, внося тем самым существенный вклад в обеспечение региональной безопасности и поддержание мира в АТР. Экономическую базу регионального сотрудничества связывают с появлением «индустриальных поясов» в КНДР, ориентированных на взаимодействие двух корейских государств, Китая, России и других стран региона.

Вместе с тем просматривается тенденция, отражающая заинтересованность деловых и политических кругов во многих странах сохранять и развивать международное коммерческое сотрудничество за счет придания глобальным и региональным процессам нового содержания, отвечающего потребностям современной мировой экономики. Проявлением этих устремлений стала инициатива компании Bloomberg по проведению в Сингапуре 6–7 ноября 2018 г. Нового экономического форума (New Economic Forum),

поддержанная ведущими мировыми корпорациями, а также рядом влиятельных действующих и авторитетных отставных политиков². Заявленные цели форума весьма амбициозны: разработка мер, противостоящих протекционизму и содействующих международным обменам, обсуждение последствий освоения современных технологий, перспектив американо-китайских торгово-экономических противоречий и ситуации в АТР, а также ряд других злободневных вопросов. Показательно, что со вступительной речью на Форуме выступил заместитель председателя КНР Ван Цишань, подчеркнувший готовность Китая к конструктивным переговорам с США по спорным экономическим вопросам.

Таким образом, экономическое содержание выдвигаемых инициатив, отталкиваясь от решения стратегических задач конкретных стран, позволяет выйти на региональный уровень, вовлекая в качестве союзников не только официальные государственные структуры, но и частный бизнес, национальные неправительственные и международные организации. В этих условиях России предстоит определять свою позицию путем инициативных предложений, обозначая рамки своих возможностей и задавая параметры предлагаемого партнерства.

Региональные экономические приоритеты России: возможности и перспективы

Российской внешнеэкономической дипломатии приходится решать задачи на тихоокеанском направлении в сложных условиях. Вашингтон продолжа-

2 Среди них руководители Mastercard, Hyundai Motor Group, ExxonMobil, Microsoft. Примечательно, что среди организаторов и выступающих не оказалось представителей российского бизнеса и политиков [New Economy Forum 2018].

ет оказывать на Москву санкционное давление, которое отражается на сдержанном отношении к России со стороны бизнеса стран АТР, особенно кредитно-финансовых институтов. Переориентация российских внешнеэкономических связей на Восток оказалась задачей хотя и актуальной, но весьма проблематичной, поскольку региональные партнеры (как, впрочем, и везде) исходят при принятии решений исключительно из своих прагматичных целей. При этом между политическими декларациями и коммерческими решениями лежит весьма значительная дистанция. Показателен в этой связи пример китайско-российских отношений, политическая составляющая которых успешно развивается. Вместе с тем, по словам ведущего научного сотрудника ИДВ РАН Е. Сафроновой, в этих отношениях «горячо наверху (на уровне контактов высших руководителей) и холодно внизу» [Скосырев 2018]. В частности, Пекин сократил долю контрактов с оплатой в рублях с 3,9% в 2014 г. до 2,7% в 2017 г. Руководитель Школы востоковедения НИУ ВШЭ А. Маслов отмечает, что «из 50 крупных проектов, которые Россия в последние годы предложила для сотрудничества Китаю, в Пекине “зарубили” все пятьдесят» [Серебряный 2018].

Российскому бизнесу и государству приходится совместно искать подходы к емким, но трудным для освоения рынкам тихоокеанских стран. Данные таблицы 3 свидетельствуют, что доля стран Тихоокеанской Азии во внешней торговле России за последние пять лет выросла. Однако накопленный опыт показывает наличие как общих проблем внешнеэкономической политики (трудности доступа к кредитным ресурсам, низкий уровень несырьевого экспорта, отсутствие участия в цепочках добавленной стоимости), так и специфических для российского бизнеса ре-

гиональных трудностей (ограниченные масштабы инвестиционных обменов, слабое знание специфики ведения коммерции и особенностей спроса).

В сложившихся условиях Россия сталкивается с необходимостью выстраивать долгосрочный курс, который можно было бы условно именовать «политика целевого партнерства» (*policy of focused partnerships*), предполагающего концентрацию деловой активности на конкретных проектах и на выборочных географических направлениях международного взаимодействия. Такой подход способен дать возможность России найти точки соприкосновения интересов с разными стратегиями, инициированными государствами АТР, и максимально гибко адаптировать собственные внешнеэкономические связи к реалиям тихоокеанской экономики и использовать потенциал российских дальневосточных регионов. Как следствие, Россия на практике может стать партнером в реализации ряда региональных программ, инициированных не только какой-то одной силой, но сразу несколькими участниками – причем без принятия на себя жестких обязательств. Текущая линия на диверсификацию партнерства – за счет одновременного развития связей не только с Китаем, но и с Японией, Республикой Корея, странами АСЕАН и Индией, заключение с рядом партнеров соглашений о свободной торговле (например, с Вьетнамом) является стратегически оправданной.

Такого рода политика предполагает приоритетную ориентацию на потребности быстро растущего в регионе слоя среднего класса, совокупная численность которого в странах Восточной Азии может исчисляться в ближайшие 10–15 лет сотнями миллионов человек. Именно эта часть населения предъявляет растущий спрос на экономную и эффективную энергетику, современную и безопасную транспортную систе-

му, высокотехнологичные товары и услуги, качественное и экологически чистое продовольствие и т.д. Удовлетворение такого спроса с российской стороны могло бы быть обеспечено за счет скоординированных действий государства и частных коммерческих структур, в том числе малого и среднего бизнеса, пока слабо представленного в региональном экономическом пространстве. Целевая поддержка (доступ к кредитам, информационно-аналитическое обеспечение, подготовка кадров и т.д.) для малого и среднего бизнеса дальневосточных регионов России позволили бы использовать потенциал растущего спроса со стороны среднего класса стран АТР в интересах развития.

Особое значение в современных условиях приобретают возможности *внешней культурной политики*. Этот фактор важен и с точки зрения роста коммерческих результатов собственно экспорта продукции данной отрасли, и с точки зрения положительного эффекта для имиджа России. Правильность такого варианта видения ситуации подтверждают результаты южнокорейской политики *халлю (корейской волны)*, проведение которой в значительной степени способствовало успешной экономической экспансии Южной Кореи в восточноазиатские страны. Как показал корейский опыт, культура и бизнес могут плодотворно дополнять друг друга в стране и на внешних рынках. Аналогичную политику в настоящее время активно стремится проводить Китай. Располагая большим и разнородным культурным потенциалом, Россия имеет возможность добиться в обозримой перспективе не меньших результатов. Кроме того, важным ресурсом такой политики может стать потенциал дальневосточных регионов России в сфере науки и образования, укрепление которого необходимо максимально поддержать. В последнее время на российском Даль-

нем Востоке развивается или создается заново культурная и научно-образовательная инфраструктура, связанная с крупнейшими центрами европейской части России и способная успешно интегрироваться в региональное культурное пространство.

При этом следует принимать во внимание, что России и странам региона в целом ряде случаев приходится решать ряд близких по характеру задач, *требующих объединения усилий*. Например, растущий спрос на качественное образование и здравоохранение в ряде стран Восточной Азии (Китай, Вьетнам, Индонезия, Филиппины и др.), также как и в России, приходится удовлетворять в условиях больших и часто труднодоступных территорий, что актуализирует потребность в дистанционном образовании, удаленной врачебной диагностике, своевременной доставке современных лекарств, медицинского оборудования и т.д.

В этом контексте столь же актуальна транспортная проблема. Участие России в повышении эффективности работы транспортных коридоров, включая Северный морской путь, БАМ, Транссиб, а также имеющийся потенциал транспортного машиностроения (прежде всего авиационной промышленности) создают дополнительную основу для взаимодействия со странами Восточной Азии.

Однако остается злободневным вопрос соотношения планов инфраструктурных проектов и реальных возможностей с современными тенденциями логистических приоритетов внешних партнеров России. Пока до 90% грузоперевозок между Китаем и Евросоюзом приходится на морской транспорт [Кобер 2018]. Россия могла бы расширить свои возможности транзита по железным дорогам. В связи этим требуется выработка быстрого, но максимально прагматичного подхода к

Таблица 3. Торговые связи России со странами Восточной Азии (млрд долл., в скобках – доля в %)
Table 3. Russia's trade with East Asian countries (bln USD, in brackets – share in %)

	Экспорт России 2013 / Russian export 2013	Импорт России 2013 / Russian import 2013	Оборот 2013 / Turnover 2013	Экспорт России 2017 / Russian export 2017	Импорт России 2017 / Russian import 2017	Оборот 2017 / Turnover 2017
Всего внешняя торговля / Total foreign trade	527 266 (100%)	314 945 (100%)	842 211 (100%)	359 151 (100%)	228 213 (100%)	587 364 (100%)
Китай / China	35 625 (6,8%)	53 173 (16,9%)	88 798 (10,5%)	37 524 (10,4%)	48 373 (21,2%)	85 897 (14,6%)
Гонконг / Hong Kong	3 026 (0,6%)	172 (0%)	3 198 (0,4%)	684 (0,2%)	217 (0,1%)	901 (0,2%)
Тайвань / Taiwan	4 443 (0,8%)	1 915 (0,6%)	6 358 (0,8%)	3 370 (0,9%)	1 930 (0,8%)	5 300 (0,9%)
Всего АСЕАН / ASEAN total	8 994 (1,7%)	9 074 (2,9%)	18 068 (2%)	6 672 (1,9%)	10 871 (4,8%)	17 543 (3%)
Республика Корея / The Republic of Korea	14 867 (2,8%)	10 305 (3,3%)	25 172 (3%)	12 100 (3,4%)	6 919 (3,0%)	19 019 (3,2)
КНДР / DPRK	103 (0%)	9 (0%)	124 (0%)	74 (0%)	3 (0%)	77 (0%)
Япония / Japan	19 668 (3,75)	13 560 (4,3%)	33 228 (3,9%)	10 500 (2,9%)	7 763 (3,4%)	18 263 (3,1%)
Всего Восточная Азия / East Asia total	86 726 (16,4%)	88 208 (28%)	174 946 (20,8%)	70 924 (19,7%)	76 076 (33,3%)	147 000 (25%)
Индия / India	6 983 (1,3%)	3 091 (1,0%)	10 074 (1,2%)	5 426 (1,5%)	2 896 (1,3%)	8 322 (1,4%)

0 – менее 0,1%;
 0 – less than 0,1%

Источник / Source: [Trade Map].

адаптации возможностей российских транспортников с интересами внешних партнеров. Особое значение имеет проблема «расшивки узких мест» и развития пограничных переходов для расширения собственного экспорта и обеспечения транзитных поставок.

Влияние фактора среднего класса сказывается на потребительских требованиях к такой традиционной отрасли, как энергетика. Российский экспортный потенциал здесь нуждается в дальнейшем развитии, имея в виду, что потребность в электроэнергии допол-

няется спросом на т.наз. «умную энергетику», системы типа smart greed, развитие технологий энергоэффективности в рамках концепции «умного жилища». В странах региона уже реализуются такого рода конкретные программы и пилотные проекты, в том числе и в международном формате. И России есть смысл искать возможности присоединиться к ним.

То же самое можно сказать и в отношении космических программ, инициатив освоения биологических и минеральных ресурсов прилегающих мо-

рей Мирового океана, принятых странами АТР стратегий развития цифровой экономики, инновационного взаимодействия государства, частного бизнеса и науки.

Динамичный рост среднего класса в регионе позволяет прогнозировать расширение спроса на туристические услуги: рост мирового туризма (на 1 млрд поездок в год) в ближайшее десятилетие обеспечит в основном как раз местный средний класс. В частности, Китай по некоторым оценкам может к 2030 г. обойти Францию по числу принимаемых иностранных туристов и выйти по этому показателю на первое место в мире [China Overtake 2018]. Россия также способна претендовать на заметную долю на рынке туристических услуг: историко-познавательный туризм, образовательный, лечебный, гастрономический, спортивный (включая охоту и рыболовство), событийный, экстремальный имеют значительный потенциал, что открывает дополнительные коммерческие ниши для отечественного малого и среднего бизнеса.

Между тем актуальным остается вопрос об основных акторах, условиях реализации и последовательности экономической политики на тихоокеанском направлении. За последнее десятилетие был принят ряд важных решений, связанных с поддержкой развития российского Дальнего Востока, а также с расширением его всесторонних связей с Восточной Азией («территории опережающего развития», «свободный порт Владивосток» и т.д.). Однако по данным Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП), в 2014–2018 гг., несмотря на все предпринятые усилия, доля дальневосточного региона в общем объеме инвестиций в основной капитал в России выросла только на 1% (с 6% до 7%). В заявленных 731 проекте освоена лишь 1/3 капиталовложений. При этом 80% инвестиций в основной

капитал направляются на действующие производства, а не на строительство новых. Причем 70% средств поступают из бюджета или инвестируются госкорпорациями [Комраков 2018].

В этих условиях структура российского экспорта остается традиционной, что подразумевает преобладание сырья и энергоносителей. За первое полугодие 2018 г. в целом российский экспорт в Китай на фоне роста цен на топливо увеличился на 43% до 26 млрд долл., тогда как несырьевой экспорт вырос на 19% до 5,8 млрд долл., составив в общем объеме вывезенных товаров 22% [Комраков 2018]. Среди импортеров российского продовольствия КНР все еще остается на втором месте, уступая Египту, население которого в десять раз меньше населения Китая [Сухорукова, Новопашина 2018].

Перспективы участия России в региональных политических процессах

России приходится считаться с тесной взаимозависимостью в регионе политики и экономики. Политические диалоги на региональных форумах в Восточной Азии пока не позволили найти удовлетворяющую все стороны институциональную основу и правовую базу региональной системы безопасности. Угрозы межгосударственных конфликтов сегодня носят многовекторный характер.

Среди них наиболее важными остаются:

- риски дестабилизации военно-политической ситуации на Корейском полуострове, обусловленные последствиями плохо прогнозируемых внутренних трансформаций северокорейского государства и реализацией ракетно-ядерных программ КНДР;

- сохранение взаимных территориальных притязаний, включая ситуацию в Южно-Китайском море;
- периодически обостряющаяся ситуация в Тайваньском проливе;
- угрозы распространения исламистского терроризма и перемещения экстремистских группировок, несущих потери на Ближнем Востоке, в страны Восточной Азии, где под ударом могут оказаться Индонезия, Малайзия, Филиппины, Китай.
- риски стихийных бедствий, ухудшения окружающей среды, пандемий.

Проблемы региональной безопасности и связанные с ними политические противоречия между ведущими державами региона в перспективе могут оказать существенное негативное влияние на развитие экономических отношений между ними и привести к деформации региональных связей.

В области экономической безопасности негативные последствия принесут решения, принимаемые государствами региона в одностороннем порядке и носящие протекционистский характер. Системное введение торговых барьеров, вероятная реализация политики санкций и ограничений в сфере экспортного контроля США в отношении КНР может не только значительно изменить американо-китайские отношения, но и повлиять на всю систему экономических связей в регионе. Сохраняется проблема обеспечения свободы судоходства, энергетической стабильности.

Между тем региональная система безопасности остается фрагментарной и архаичной. Здесь обозначились трудности модернизации сохранившихся со времен холодной войны военных союзов США с Японией и Южной Кореей. В японском обществе возникли сомнения в способности и готовности амери-

канского партнера поддержать Токио в территориальном споре с Пекином. В свою очередь Южная Корея, стремясь сохранить большую гибкость в отношениях с Северной Кореей и Китаем (а также с Россией), отказывается от однозначного участия в трехстороннем военно-политическом союзе Вашингтон – Токио – Сеул. Реанимированная президентом Д. Трампом японская концепция Индо-Тихоокеанского региона (Индо-Пацифика), подразумевающая тесное сотрудничество США, Австралии, Японии и Индии и нацеленная на сдерживание Китая, встречает неприятие в Пекине и неоднозначные оценки в странах АСЕАН.

Многовекторный характер угроз безопасности региона предполагает и многовекторный ответ России.

На Корейском полуострове перед Россией стоит задача преодолеть отстранение Москвы от участия в корейском урегулировании. Отсюда злободневность продвижения в переговорах с партнерами идеи создания многостороннего консультативного механизма с участием заинтересованных государств. Только при нормализации политической обстановки на Корейском полуострове, стабилизации межкорейских отношений и доверии к действиям КНДР возможно для России участие в реализации здесь энергетических, транспортных и других крупных проектов.

Важным представляется активное участие России в обсуждении превентивных мер по противодействию вероятным угрозам распространения в Восточной Азии исламского терроризма, в том числе в рамках ШОС, Восточноазиатского саммита, в формате Россия – АСЕАН, по линии российско-американского диалога безопасности, если таковой будет запущен.

Позиция России в отношении концепции Индо-Тихоокеанской Азии объ-

активно определяется складывающимися в регионе трактовками ее содержания. Интересам России не противоречат ни активизация политики Дели на тихоокеанском направлении, ни встречный интерес стран Восточной Азии к Индии. Однако не в интересах России рост противоречий между Индией и КНР. России приходится считаться с тем, что ряд стран региона, в том числе и членов АСЕАН, воспринимают Дели в качестве возможного противовеса растущему военно-политическому влиянию и экономической напористости Пекина в продавливании своих проектов. Однако России следует учитывать антикитайскую направленность концепции в интерпретации США и (в меньшей степени) Японии. Стратегически в российских интересах развитие большого Индо-Тихоокеанского пространства экономических связей, но не системы военно-политической конфронтации. В любом случае одним из важнейших приоритетов российской дипломатии является поддержание сбалансированных и всемерно расширяющихся отношений с Китаем и Индией, не противопоставляя их друг другу.

Здесь сталкиваются два противоположных вектора: расширение индийского присутствия в Восточной Азии подразумевает новые возможности экономической конкуренции, дипломатических маневров и международного диалога, т.е. имеет креативное значение для региона. Но с другой стороны, попытка организовать при этом противостояние или сдерживание Китая угрожает новыми разделительными линиями, замораживанием старых и появлением новых конфликтных зон, т.е. несет негативный заряд.

В развитии концепции Индо-Тихоокеанского региона стали проявляться позитивные надежды, связанные с изменением жесткой позиции Пекина. В самое последнее время в Китае ста-

ла проводиться мысль о том, что и сама Индо-Тихоокеанская концепция, и ее политическая составляющая – формат четырехстороннего диалога в сфере безопасности – КВОД (QUAD) (США, Япония, Индия, Австралия) не представляют стратегической угрозы Китаю. Позитивные последствия имели японо-китайские переговоры на высшем уровне. Просматривающийся в этой связи шанс укрепления российского влияния видится в следующем. Россия, Китай, Индия являются членами ШОС и участницами трехстороннего формата Россия – Индия – Китай (РИК). Это позволяет выступить с инициативой нового Диалога безопасности на уровне заместителей министров иностранных дел и обороны в формате РИК–КВОД или более расширенном формате ШОС–КВОД. Фактическое диалоговое подключение России и Китая к созданному США вокруг Индии формату КВОД могло бы помочь осуществить более тонкую настройку российского дипломатического курса. Такой подход позволил бы поддерживать позитивные аспекты присутствия Индии в АТР и минимизировать риски деструктивного использования «индийского фактора» со стороны Вашингтона.

Процессы формирования институциональной среды регионального сотрудничества в АТР находятся на перепутье. Продолжение торгово-экономического противостояния между США и КНР обесценивает претензии этих государств на глобальное и региональное лидерство, ограничивает возможность стран АТР наметить магистральное направление многостороннего взаимодействия.

Вместе с тем готовность региональных политических элит к поиску взаимопонимания, выраженная, в частно-

сти, в дипломатической активности ряда стран Восточной Азии и Индии по оказанию поддержки отдельным двусторонним и многосторонним проектам и отраслевым программам, а также проявленная ТНК заинтересованность в смягчении сложившегося противостояния вносят свой вклад в развитие в регионе торгово-экономических обменов, что призвано частично компенсировать стагнацию реализации мегапроектов.

В свою очередь существующая взаимозависимость американской и китайской экономик, стимулирующая Вашингтон и Пекин поддерживать диалог, также закладывает предпосылки для компромисса и сохраняет вероятность возвращения в среднесрочной перспективе в повестку дня преодоление кризиса в реализации мегапроектов в АТР.

В сложившихся условиях Россия стоит перед необходимостью адаптировать свою внешнеэкономическую стратегию на тихоокеанском направлении к новым тенденциям, активизируя двустороннее сотрудничество с ключевыми партнерами и концентрируя усилия на наиболее значимых проектах, опираясь на взаимодействие государственных институтов и частного бизнеса. Накопленные в ходе этого процесса опыт и потенциал позволят России уточнить региональные приоритеты и упрочат возможности по реализации своих интересов в АТР, в том числе в рамках наиболее перспективных мегапроектов.

Список литературы

- Год планеты. Ежегодник (2007) // ИМЕМО // https://www.imemo.ru/jour/god_planety/index.php?page_id=665&jid=230, дата обращения 31.01.2019.
- Год планеты. Ежегодник (2017) // ИМЕМО // https://www.imemo.ru/index.php?page_id=645&id=3908, дата обращения 31.01.2019.
- Кобер П. (2018) Манна Поднебесная // Эксперт Урал. № 26 (768) // <http://expert.ru/ural/2018/26/manna-podnebesnaya>, дата обращения 31.01.2019.
- Комраков А. (2018) Правительство забыло о частном секторе // Независимая газета. 22 октября 2018 // http://www.ng.ru/economics/2018-10-21/2_7336_private.html, дата обращения 31.01.2019.
- Маляренко Е. (2018) Минфин перечислил названные финансовой G20 риски для мировой экономики // РБК. 13 октября 2018 // <https://www.rbc.ru/economics/13/10/2018/5bc21fe29a79471cadd6805>, дата обращения 31.01.2019.
- Рахман Г. (2018) Трамп как олицетворение духа времени // Ведомости. 26 октября 2018 // <https://www.vedomosti.ru/opinion/columns/2018/10/26/784756-tramp-kak-olitsetvorenije-duha-vremeni>, дата обращения 31.01.2019.
- Серебряный И. (2018) Китай не захотел кредитовать Россию юанями // Ридус. 15 октября 2018 // <https://www.ridus.ru/news/285522>, дата обращения 31.01.2019.
- Скосырев В. (2018) Россия останется на обочине нового шелкового пути // Независимая газета. 28 октября 2018 // http://www.ng.ru/world/2018-10-28/6_7341_pekin.html, дата обращения 31.01.2019.
- Сухорукова Е., Новопашина Н. (2018) Египет стал крупнейшим покупателем российских продуктов // РБК. 21 февраля 2018 // <https://www.rbc.ru/business/21/02/2018/5a8c24c89a79477a3fb0a820>, дата обращения 31.01.2019.
- Федоровский А. (2018) АТЭС и перспективы региональной интеграции // Азия и Африка сегодня. № 6. С. 44–50. DOI: 10.7868/S0321507518060065
- An Baijie, Wilson K. (2018) Open to the World // China Daily, Novem-

ber 12, 2018 // <https://chinadailyasia.com/articles/160/83/194/1542015857616.html?newsId=53370>, дата обращения 31.01.2019.

Bergsten C.F. (2018) China and the United States: Contest for Global Economic Leadership // *China & World Economy*, vol. 26, no 5, pp. 12–13. DOI: 10.1111/cwe.12254

Boustany C. Jr., Gilispie C. (2018) Strengthening U.S. Trade Strategy in the Asia-Pacific: the Role for the Korea-U.S. FTA // *The National Bureau of Asian Research*, February 14, 2018 // <http://www.nbr.org/research/activity.aspx?id=846>, дата обращения 31.01.2019.

Chang P. (2018) How China Lost Sight of Malaysia's Changes // *The Diplomat*, June 16, 2018 // <https://thediplomat.com/2018/06/how-china-lost-sight-of-malysias-changes/>, дата обращения 31.01.2019.

China Overtake France in Tourists by 2030 (2018) // *Korea Joong Daily*, November 8, 2018.

Choi He-suk (2018) Moon Says 'New Order' Being Formed on Korean Peninsula // *The Korea Herald*, October 8, 2018 // <http://www.koreaherald.com/view>

[php?ud=20181008000554](http://www.koreaherald.com/view.php?ud=20181008000554), дата обращения 31.01.2019.

Eichengreen B. (2018) Is It the End of the Global Trading Order, or Just a Recasting? // *Global Asia*, vol. 13, no 2, pp. 8–13.

New Economy Forum (2018) // <https://www.neweconomyforum.com/speakers/#row-5c2e2bc54d28a>, дата обращения 31.01.2019.

Pejon C., Saint-Mezard I. (2018) The Japan-India Economic Partnership: A Politically Driven Process // *Asie. Visions*. No. 100, September 2018 // <https://www.ifri.org/en/publications/notes-de-lifri/asie-visions/japan-india-economic-partnership-politically-driven-process>, дата обращения 31.01.2019.

Sevastopulo D. (2017) Trump Gives Glimpse on 'Indo-Pacific' Strategy to Counter China // *Financial Times*, November 10, 2017 // <https://www.ft.com/content/e6d17fd6-c623-11e7-a1d2-6786f39ef675>, дата обращения 31.01.2019.

Trade Map. International Trade Statistics // <https://www.trademap.org/tradestat>, дата обращения 31.01.2019.

Wei Shang-Jin (2018) Imports to Spur China's Trade Surplus // *The Korea Herald*, November 9–11, 2018.

Political Processes in the Changing World

DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-1-6-25

Crisis of Regional Leadership and Stagnation of Mega-projects in Asia-Pacific: Consequences for Russia

Alexander N. FEDOROVSKYDSc in Economics, Chief Research Fellow
Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations
of the Russian Academy of Sciences, 117997, Profsoyuznaya St., 23, Moscow, Russian
Federation

E-mail: a.fedorovsk@imemo.ru

ORCID: 0000-0002-3892-8432

CITATION: Fedorovsky A.N. (2019) Crisis of Regional Leadership and Stagnation of Mega-projects in Asia-Pacific: Consequences for Russia. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 12, no 1, pp. 6–25 (in Russian).
DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-1-6-25

Received: 20.11.2018.

ABSTRACT. *Analyses of modern trade and economic relations in Asia-Pacific region. Research of the roles of the United States of America and China under the conditions of protectionism initiated by the D. Trump's administration and stagnation of mega-projects. Crisis of leadership and role of USA and China in regional mega-project (APEC, TPP, RCPEC). Ability of the USA and the PRC to create regional economic priorities, as well as to determine the course of integration processes. Analysis of the main obstacles of realization of American and Chinese leadership potential. Regional integration project initiated by Japan, India and the Republic of Korea and prospects for Indo-Pacific Asia. China-USA competition and main trends of regional integration. Comparative study of opportunities and prospects for bilateral and mega-regional economic projects. As an example, observation of South Korean initiative*

“New Economic Map” is presented and analyzed. Role of “New Economic Forum” initiated by Bloomberg with support of global big business is examined also. Initiative of Indo-Pacific region, Japan-India economic cooperation are examined, as well as Washington policy to counterweight China foreign economic and political expansion. Analyzing of prospects and consequences of competition between USA and the PRC in Pacific regions. Main issues, opportunities and challenges of Russia's economic expansion in Asia-Pacific region. Close interconnection between policy, security and economic cooperation in the region: influence on Russia's Pacific priorities and diplomacy. Characteristics of some problems of Russian “East Policy” during last several years. Some arguments are presented in favor of Russia's strategy of “policy of focused partnerships”. This kind of policy means prevail of business activity in some special projects as well as

in some geographic areas. It is also stressed that it is in Russia's long-run interests to use of all kind of diplomatic measures in order to minimize any attempts to oppose India to China. But try its best to support cooperation between Russia, China and India in Pacific, as well as in Indo-Pacific region.

KEY WORDS: Asia-Pacific, Indo-Pacific region, regional integration, mega-projects, USA, China, Japan, India, the Republic of Korea, Russia

References

- An Baijie, Wilson K. (2018) Open to the World. *China Daily*, November 12, 2018. Available at: <https://chinadailyasia.com/articles/160/83/194/1542015857616.html?newsId=53370>, accessed 31.01.2019.
- Bergsten C.F. (2018) China and the United States: Contest for Global Economic Leadership. *China & World Economy*, vol. 26, no 5, pp. 12–13. DOI: 10.1111/cwe.12254
- Boustany C. Jr., Gilispie C. (2018) Strengthening U.S. Trade Strategy in the Asia-Pacific: the Role for the Korea-U.S. FTA. *The National Bureau of Asian Research*, February 14, 2018. Available at: <http://www.nbr.org/research/activity.aspx?id=846>, accessed 31.01.2019.
- Chang P. (2018) How China Lost Sight of Malaysia's Changes. *The Diplomat*, June 16, 2018. Available at: <https://thediplomat.com/2018/06/how-china-lost-sight-of-malysias-changes/>, accessed 31.01.2019.
- China Overtake France in Tourists by 2030 (2018). *Korea Joonang Daily*, November 8, 2018.
- Choi He-suk (2018) Moon Says 'New Order' Being Formed on Korean Peninsula. *The Korea Herald*, October 8, 2018. Available at: <http://www.koreaherald.com/view.php?ud=20181008000554>, accessed 31.01.2019.
- Eichengreen B. (2018) Is It the End of the Global Trading Order, or Just a Recasting? *Global Asia*, vol. 13, no 2, pp. 8–13.
- Fedorovsky A. (2018) APEC and Prospects for Regional Integration. *Asia and Africa Today*, no 6, pp. 44–50 (in Russian). DOI: 10.7868/S0321507518060065
- Kober V. (2018) Manna from Heaven. *Expert Ural*, no 26 (768). Available at: <http://expert.ru/ural/2018/26/mannapodnebnaya>, accessed 31.01.2019 (in Russian).
- Komrakov A. (2018) The Government Forgot about Private Sector. *Nezavisimaya gazeta*, October 22, 2018. Available at: http://www.ng.ru/economics/2018-10-21/2_7336_private.html, accessed 31.01.2019 (in Russian).
- Malyarenko E. (2018) The Ministry of Finance Has Listed the Risks for the Global Economy according to the G20 Finance Chiefs. *RBC*, October 13, 2018. Available at: <https://www.rbc.ru/economics/13/10/2018/5bc21fe29a79471cadd6805>, accessed 31.01.2019 (in Russian).
- New Economy Forum* (2018). Available at: <https://www.neweconomyforum.com/speakers/#row-5c2e2bc54d28a>, accessed 31.01.2019.
- Pejon C., Saint-Mezard I. (2018) The Japan-India Economic Partnership: A Politically Driven Process. *Asie. Visions*, No. 100, September 2018. Available at: <https://www.ifri.org/en/publications/notes-de-lifri/asie-visions/japan-india-economic-partnership-politically-driven-process>, accessed 31.01.2019.
- Rakhman G. (2018) Why Donald Trump May Embody the Spirit of Our Age. *Vedomosti*, October 26, 2018. Available at: <https://www.vedomosti.ru/opinion/columns/2018/10/26/784756-tramp-kak-olitsetvorenje-duha-vremeni>, accessed 31.01.2019 (in Russian).
- Serebryanyj I. (2018) China Did not Want to Lend Russia Yuan. *Ridus*, October 15, 2018. Available at: <https://www.ri>

dus.ru/news/285522, accessed 31.01.2019 (in Russian).

Sevastopulo D. (2017) Trump Gives Glimpse on 'Indo-Pacific' Strategy to Counter China. *Financial Times*, November 10, 2017. Available at: <https://www.ft.com/content/e6d17fd6-c623-11e7-a1d2-6786f39ef675>, accessed 31.01.2019.

Shang-Jin Wei. (2018) Imports to Spur China's Trade Surplus. *The Korea Herald*, November 9–11, 2018.

Skosyrev V. (2018) Russia Remains on the Sidelines of the New Silk Road. *Nezavisimaya gazeta*, October 28, 2018. Available at: http://www.ng.ru/world/2018-10-28/6_7341_pek.in.html, accessed 31.01.2019 (in Russian).

Sukhorukova E., Novopashina N. (2018) Egypt Became the Largest Importer of Russian Products. *RBC*, February 21, 2018. Available at: <https://www.rbc.ru/business/21/02/2018/5a8c24c89a79477a3f60a820>, accessed 31.01.2019 (in Russian).

The Year of Planet. Yearbook (2007). *MEMO*. Available at: https://www.ime-mo.ru/jour/god_planety/index.php?page_id=665&jid=230, accessed 31.01.2019 (in Russian).

The Year of Planet. Yearbook (2017). *MEMO*. Available at: https://www.ime-mo.ru/index.php?page_id=645&id=3908, accessed 31.01.2019 (in Russian).

Trade Map. International Trade Statistics. Available at: <https://www.trademap.org/tradestat>, accessed 31.01.2019.